



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS  
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**ДЕЛО СЕМИХВОСТОВ против РОССИИ**

*(Заявление № 2689/12)*

РЕШЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

6 февраля 2014 г.

*Настоящее решение становится окончательным в обстоятельствах, приведённых в Статье 44 § 2 Конвенции. Может подлежать редакторским правкам.*

**По делу Семихвостов против России**

Европейский суд по правам человека (Первое отделение),  
заседающий в составе следующей Палаты:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,  
Элизабет Стайнер,  
Ханлар Хаджиев,  
Мирьяна Лазарова Трайковска,  
Джулия Лаффранк,  
Ксения Туркович,  
Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *Регистратор Отделения*,  
проведя 14 января 2014 года совещание в закрытом режиме,  
вынес следующее решение, которое было принято в указанный день:

**ПРОЦЕДУРА**

1. Дело было инициировано по заявлению (№ 2689/12) против Российской Федерации, поданному в Суд по Статье 34 Конвенции по защите Прав Человека и Основных Свобод («Конвенция») гражданином России г-ном Александром Юрьевичем Семихвостовым («заявитель»), 28 декабря 2011 г.

2. Заявителя, которому предоставлялась юридическая помощь, представляла г-жа Н.Радняева, юрист, практикующий в Москве. Правительство России («Правительство») было представлено г-ном Г. Матюшкиным, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека.

3. Заявитель указал, что условия в исправительной колонии абсолютно не подходили для содержания заключённых, прикованных к инвалидному креслу, как заявитель, и что у него не было эффективных средств защиты для обжалования такого нарушения своих прав.

4. Правительство было уведомлено о данном заявлении 30 августа 2012 г. По просьбе заявителя Суд рассмотрел заявление в приоритетном порядке (Правило 41 Правил Суда).

5. Впоследствии Председатель Палаты предоставил возможность двум неправительственным организациям - Европейскому форуму по проблемам инвалидности и Международному альянсу по инвалидности – сделать совместное письменное заявление в качестве третьей стороны в соответствии с Правилем 44 § 3 (b) Правил Суда.

## ФАКТЫ

### I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1965 году и проживает в Ленинградской области.

#### **A. Версия событий от заявителя**

7. 9 февраля 2001 г. Солнечногорский городской суд Московской области признал заявителя виновным в пытках и в убийстве и приговорил его к тринадцати годам шести месяцам заключения.

8. Как подтверждается медицинскими документами, предоставленными заявителем, до своего ареста в октябре 1999 года он полностью потерял зрение в левом глазу, а зрение в правом глазу существенно ухудшилось. В 1984 году ему была присвоена 3-я группа инвалидности в связи с плохим зрением.

9. В 2001 году, во время своего заключения в исправительной колонии ИК-1 в Республике Мордовия заявитель был жестоко избит охранниками и получил серьёзную травму позвоночника, приведшую к частичному параличу нижних конечностей. Он начал пользоваться костылями. По утверждению заявителя, последующее жестокое обращение с ним, неадекватные условия заключения и недостаток медицинской помощи привели к серьёзнейшему ухудшению его здоровья: у него развилась межпозвоночная грыжа и интраваскулярная опухоль, что в свою очередь привело к полному параличу нижней части его тела. Он оказался прикован к инвалидному креслу. Заявитель поддерживает свои заявления медицинскими справками, выданными тюремной больницей.

10. С 1 января 2006 года по 27 января 2010 года заявитель отбывал своё наказание в исправительной колонии ИК-7 в Республике Мордовия. В январе 2010 года он был переведён в исправительную колонию ИК-11 в Республике Мордовия, где он содержался до своего освобождения 14 января 2013 года.

11. Не предъявляя никаких претензий к условиям содержания в колонии ИК-7, заявитель предоставил следующее описание условий его содержания в колонии ИК-11 и подкрепил свои аргументы рукописным заявлением своего бывшего сокамерника Д. По прибытию в колонию заявитель был направлен в Блок 5, не приспособленный для содержания заключённых на инвалидных креслах. В спальном помещении было установлено большое количество двухъярусных кроватей. Блок был слабо освещён, поскольку кровати загораживали окна. Спальное помещение занимали девяносто заключённых.

12. Туалет в спальном корпусе не был оборудован для инвалидов, поскольку унитазы находились не на уровне пола и не имели поручней. Заявитель всегда просил о помощи, по крайней мере, двух сокамерников, поскольку он не мог пользоваться туалетом самостоятельно. Не каждый сокамерник был готов помогать, что ещё больше расстраивало и смущало заявителя в этой деликатной ситуации, поскольку он страдал от энуреза и энкопреза (недержание мочи и кала). Подтверждая свои слова заявлением Д., заявитель жалуется, что он получал помощь от сокамерников в колонии в обмен на сигареты и деньги. Без оплаты сокамерники отказывались помогать ему. Заявитель также особо указывает на то, что помимо нежелания помогать ему, сокамерники также должны были исполнять собственные ежедневные обязанности в блоке. Поэтому у них не было свободного времени, чтобы помогать ему передвигаться по колонии. Администрация исправительного учреждения не принимала никаких мер для исправления ситуации. Заявитель сообщает, например, о поведении двух заключённых, Я. и З., которым администрация колонии поручила оказывать ему в помощи. Заявитель настаивает, что они специально создавали «острые» ситуации, чтобы заставить его платить больше за свои услуги. Когда он не мог платить, его оставляли без помощи, не в состоянии пойти в туалет и вынужденного испражняться с собственными трусами. Заявитель также сообщает, что в ноябре 2012 года, когда его заявление было передано Российскому Правительству, ему всего лишь предоставили специальный стул для пользования в туалетной комнате.

13. Далее заявитель переходит к описанию процедуры пользования баней. Он мог пользоваться общей баней раз в месяц, когда сокамерник соглашался взять его туда на его инвалидном кресле. Переходы по территории исправительного учреждения разделялись барьерами высотой примерно 20 см. Заявителю требовалась помощь как минимум двоих заключённых, чтобы те перенесли его. В декабре 2010 и в январе 2011 года ему не удалось найти никого, кто был бы готов отвезти его в баню. В тех случаях, когда ему удавалось найти заключённых, готовых помочь ему, которым он платил за их услуги, его отвозили в баню, раздевали, за руки переносили в кабинку и усаживали на стул. Он принимал душ, прислонившись к стене, чтобы не упасть. В бане не было никакого оборудования для приёма инвалидов, таких как заявитель. Лейки для душа располагались слишком высоко, и ему снова приходилось просить кого-то из заключённых помочь ему принять душ. И снова помощь оказывалась без особого желания, поскольку заключённым давалось всего пятнадцать минут на принятие душа, и они не хотели тратить это время на помощь заявителю.

14. Опираясь на рукописное заявление сокамерника Д., заявитель особо указывает на то, что заключённые, которые хотели пользоваться душевыми кабинами в спальном корпусе, должны были платить. Душевые кабины запирались на ключ, и доступ к ключу был только у заключённых – командиров отрядов.

15. Заявителю не разрешили пользоваться электрическими водонагревателями, которые были ему нужны, чтобы содержать себя в чистоте, ссылаясь на то, что он страдал недержанием мочи и кала. Он не мог пойти и поесть в столовой колонии и был вынужден питаться в спальном корпусе едой, которую ему приносили из столовой сокамерники. В ноябре 2010 года он не ел семь дней, так как еда подавалась в грязной посуде.

16. В январе 2011 года заявитель не получал свою ежедневную долю питания три раза в день. Заявитель поручили повару доставлять еду из столовой колонии. Однако учитывая, что повар часто был слишком занят своей обычной работой, и тот факт, что еда была скудная, он часто ничего не получал. В сентябре 2011 года заявитель начал получать пищу в пластиковом ведёрке из-под майонеза, которое никогда не мыли и не чистили. Он перенёс пищевое отравление и боли в животе, и его лицо, ноги и руки опухли. Его просьбы о том, чтобы пища подавалась в подходящей посуде, игнорировались.

17. 13 декабря 2011 года заявителю присвоили 1-ю группу инвалидности, поставив ему диагноз «двусторонний паралич конечностей».

18. По показаниям заявителя, в конце января 2012 года его поместили в тюремную больницу, чтобы определить, в состоянии ли он продолжать отбывать свой срок. По возвращении в колонию ИК-11 через несколько дней его снова отравили в Блок 5. Он приводит идентичное описание условий своего содержания за исключением незначительных деталей. В частности, он заявляет, что спальное помещение площадью 60 кв.м. делили сто заключённых. Тридцать пять сокамерников страдали от ВИЧ, различных стадий туберкулёза и имели различные инвалидности. Он не мог заниматься на открытом воздухе, поскольку он не мог сесть в своё инвалидное кресло без посторонней помощи и не мог покинуть спальный корпус, поскольку проход был слишком узкий. Унитазы были установлены на высоте 40 см над уровнем пола и были отделены друг от друга перегородками. Он всегда получал холодную пищу в пластиковом ведёрке, и у него не было возможности подогреть пищу в спальном корпусе. Его инвалидное кресло в спальном помещении у него изымали по соображениям безопасности.

19. Заявитель и его представители подали множество жалоб в различные инстанции. 10 декабря 2010 года заместитель прокурора района Дубравная направил заявителю письмо, информирующее его,

что нормы условий заключения в тюрьмах не предусматривают наличия пандусов. Однако по запросу прокурора пандус был установлен на входе в спальный корпус, где содержался заявитель. Заместитель прокурора также сообщал, что заявитель получал пищу в спальном корпусе, и она подавалась ему дежурным заключённым, который приносил её из столовой колонии. Его не просили платить за эту услугу, еда подавалась в подходящей посуде и отвечала требованиям.

Заявитель получал подобные письма от различных чиновников в 2010 и 2011 годах.

20. 16 января 2012 году в Следственный комитет Республики Мордовия было подано заявление о возбуждении уголовного разбирательства. Заявление было переадресовано местному следственному подразделению и в прокуратуру. Никакой реакции не последовало.

21. 14 января 2013 года заявитель был освобождён из заключения. Два сотрудника колонии сопроводили его в Санкт-Петербург, где, по словам заявителя, у него не было ни семьи, ни дома. Заявителя приняли в больницу в Ленинградской области, где с тех пор он и находится, несмотря на его усилия получить место в благотворительном хостеле.

## **В. Взгляд Правительства на события**

22. Полагаясь на справки, выданные начальником исправительной колонии ИК-11, фотографии спального помещения в колонии и рукописные показания заключённых из колоний ИК-7 и ИК-11, Правительство предоставило объёмное описание условий содержания заявителя. В частности, описывая условия содержания до его перевода в колонию ИК-11, они заявляют, что заявитель был в состоянии пользоваться своими ногами, и поэтому не нуждался в помощи для передвижения, хотя ему и вменяется попытка скрыть этот факт от руководства колонии.

23. Правительство продолжает описанием условий содержания в колонии ИК -11.

### *1. Блок 8 в колонии ИК-11*

24. По прибытии в колонию ИК-11 27 января 2010 года заявитель был направлен в Блок 8, где он оставался в течение месяца. В справке, выданной начальником исправительной колонии ИК-11, говорится, что вход в спальный корпус Блока 8 был оборудован пандусом для инвалидного кресла во время пребывания там заявителя. После отбытия заявителя из блока пандус был демонтирован.

25. Правительство заявляет, что у заключённых было как минимум 2 кв.м. личного пространства. Как следует из рукописного заявления начальника Блока 8, в спальном помещении заявителя находилось 70 спальных мест. Правительство также предоставило Суду планы спального корпуса. В соответствии с планом, Блок 8 находился на втором этаже и с первого этажа к нему ведёт как минимум 10 ступеней. Длинный коридор площадью 32 кв.м. ведёт к спальному помещению площадью 142 кв.м., где располагаются семьдесят коек, семьдесят стульев и тридцать пять прикроватных тумбочек. Туалет площадью 7,5 кв.м., душевая площадью 5,5 кв.м. и кухня спального корпуса площадью 14 кв.м. имеют выход в коридор.

26. Фотография, предоставленная Правительством, показывает железную кровать заявителя в углу у окна. В справке начальник колонии приводит пояснение к фотографии, где указывается, что кровать заявителя от соседней койки отделяет свободное пространство 1,3 м.

## *2. Отряд 5 в колонии ИК-11*

27. 28 февраля 2011 года заявителя перевели в Блок 5, где он оставался до освобождения. Блок 5 находился на первом этаже спального блока колонии. Спальное помещение было легкодоступно для заявителя. Дверные проёмы были достаточно широки, чтобы он мог проезжать и передвигаться. Правительство предоставило рукописные свидетельства заключённых З. и Сем., которые подтвердили, что заявитель имел возможность попадать в здание спального блока без затруднений, поскольку порог входной двери был не более 5 см в высоту. В справке, предоставленной Суду начальником колонии, говорится, что в установке пандуса на входе в спальное строение Блока 5 не было необходимости, поскольку порог входной двери имел высоту менее 5 см.

28. Правительство ещё раз повторило, что заключённым предоставлялось как минимум 2 кв.м. личного пространства. В спальном помещении Блока 5 было 53 спальных места, и было разделено на три спальные комнаты. Комната заявителя имеет площадь 63,5 кв.м. и содержит восемнадцать коек, девять прикроватных столиков и восемнадцать стульев. Большой коридор площадью 46 кв.м. отделяет спальные комнаты от остальной части спального корпуса. Шесть дверей из коридора ведут в туалет площадью 9 кв.м., душевая в 6 кв.м., раздевалка, кухня спального корпуса в 16 кв.м., складское помещение и кабинет командира отряда.

29. Правительство также предоставило четыре фотографии спального корпуса, на которых показаны ряды двухъярусных коек, разделённые узким проходом. Одноярусная кровать заявителя была установлена в углу, у стены, рядом с окном. В соответствии с

пояснениями, данными начальником колонии, расстояние между кроватью заявителя и соседними койками составило 1,2 м в ширину.

### *3. Банный комплекс и туалет*

30. Далее Правительство описывает банный комплекс. Фотографии моечного помещения показывают длинное, облицованное кафелем помещение как минимум с десятью высокими перегородками, разделяющими помещение на несколько маленьких кабинок с установленными в каждом из них лейками душа, но никаких поручней или другого подобного оборудования. Моечное помещение оборудовано 16 душевыми лейками, установленными на высоте 2 м над уровнем пола. Рычаг управления душем расположен на высоте 1 м над уровнем пола. У каждого заключённого есть двадцать минут на пользование душем. В виду того, что заявителю была присвоена 1-я группа инвалидности, ему дополнительно предоставлялось двадцать минут на принятие душа. Полагаясь на рукописное заявление заключённого Я., Правительство отмечает, что данный заключённый помогал заявителю пользоваться банным комплексом.

31. Спальные корпуса Блоков 5 и 8 оборудованы душевыми кабинами с электрическими водонагревателями. Фотографии, предоставленные Правительством, показывают душевые, облицованные кафельной плиткой от пола до потолка. Душ отделяется от остальной части комнаты занавеской. Лейки душа установлены на высоте как минимум 2 м над уровнем пола. В комнатах не установлены никакие поручни. Заявителю разрешали пользоваться кабинками без каких-либо ограничений. Правительство ссылается на показания четырёх заключённых. Как явствует из рукописного заявления заключённого Г., заявителю требовалась помощь других заключённых, включая случаи использования душевых кабин. Заключённый Я. также писал, что они с заключённым Г. помогали ему пользоваться душем.

32. Туалет Блока 8 оборудован четырьмя напольными унитазами, установленными на основаниях высотой более 15 см над уровнем пола. Перегородки отделяют унитазы друг от друга, создавая кабинки шириной 80 см. В туалете Блока 5 было три напольных унитаза. В остальном описание удобств аналогично таковому в Блоке 8. Правительство обращает внимание, что после его прибытия в колонию ИК-11 заявителю был предоставлен специальный стул для использования в туалете. Они предоставили фотографии двух туалетов и специального стула, которым пользовался заявитель. Фотографии демонстрируют несколько кабинок с пластиковыми стенами и полноразмерными дверями. Кабинки с унитазами отделяются от остальной комнаты высокой ступенькой. Вдоль стены установлены ряды раковин с кранами и установленными над ними зеркалами.



Оборудование установлено на высоте, подходящей для пользования физически здоровыми заключёнными. На фотографии туалет в Блока 5 также показан выложенный плиткой бассейн с краном над ним. Принимая во внимание высоту крана, бассейн был доступен для заявителя. На одной из фотографий показан специальный стул, изготовленный из обычного деревянного стула, сидение которого убрано и заменено на туалетное сидение.

#### *4. Организация питания*

33. Как следует из справки, выданной начальником колонии ИК-11, заявитель всегда принимал пищу в кухнях спальных корпусов в течение всего срока его заключения. Правительство заявляет, что ему подавалась горячая пища три раза в день. Медицинский персонал колонии проверял качество пищи ежедневно и вёл соответствующие записи в журнале. Пища для него доставлялась из столовой заключёнными. В соответствии с показаниями, данными главным поваром колонии, он следил за процессом доставки пищи для заявителя из столовой. Пища всегда подавалась в чистых тарелках и была горячей. Её доставляли заявителю заключённые Са. и Г. Данные два заключённые подтверждают, что пища подавалась в термосах, которые были чистыми, и что заявитель никогда не жаловался на качество или количество пищи. Также он никогда не отказывался принимать пищу.

#### *5. Помощь со стороны заключённых и другие аспекты заключения*

34. Правительство особо указывает на то, что заявителю помогали заключённые, среди них Са., Г., Я. и З. Данные заключённые помогали заявителю «добровольно и безвозмездно» при передвижении по территории колонии, при пользовании туалетом и банным комплексом, при посещении тюремного магазина, медицинского пункта и библиотеки. Они регулярно доставляли заявителю пищу и выполняли другие его просьбы. Правительство приводит показания нескольких заключённых в поддержку данных заявлений. Как следует из рукописных показаний заключённых, заявителю не требовалась помощь для перемещения по спальному корпусу, поскольку места для его инвалидного кресла было достаточно. В то же время, двое заключённых всегда сопровождали его, если ему нужно было передвигаться по территории колонии.

35. Что касается других аспектов заключения, заявитель постоянно находился под медицинским наблюдением, ему оказывалась медицинская помощь требуемого качества, он проходил необходимые диагностические и клинические процедуры, его

консультировали специалисты на предмет его заболеваний, хотя он и не всегда соблюдал медицинские рекомендации. Правительство также утверждает, что заявитель имеет «привычку преувеличивать серьёзность своего состояния».

### **С. Попытки организовать освобождение заявителя по медицинским основаниям**

36. По утверждению заявителя, 21 декабря 2011 года его представитель из НПО «Фонд защиты прав заключённых» подал заявление в Полянский районный суд Республики Мордовия с просьбой освободить заявителя по медицинским показаниям. К заявлению представители приложили длинный список заболеваний, которыми страдает заявитель, включая двухсторонний паралич конечностей, атрофию левого глаза, астигматизм в правом глазу, кисту почки, эпилепсию, острый вирусный гепатит С и остеохондроз пояснично-крестцового отдела позвоночника, осложнённый формированием грыжи и опухоли. После получения жалобы районный суд назначил судебно-медицинскую экспертизу заявителя с целью определить, в состоянии ли он продолжать отбывать своё наказание. Для этих целей в конце января 2012 года он был переведён в тюремную больницу. Несмотря на то, что он провёл там несколько дней, его вернули в исправительную колонию, так и не проведя никакого обследования. Также он заявляет, что сотрудники колонии затеряли его документы, и у суда не было выхода, кроме как прекратить процедуру.

37. Правительство оспаривает утверждение заявителя, объясняя, что запрос на освобождение заявителя по состоянию здоровья был подан в конце декабря 2011 года представителем НПО «Фонд защиты прав заключённых». Данный запрос был перенаправлен начальнику колонии ИК-11 в соответствии с требованиями закона. Несколько раз между январём и маем 2012 года сотрудники колонии просили заявителя подписать заявление на досрочное освобождение или подписать доверенность, уполномочивающую представителя Фонда действовать от его имени в ходе судебных разбирательств. Заявитель отказался проходить медицинское обследование, необходимое по российским законам в поддержку заявления об освобождении, и подписать его. Учитывая отказ заявителя выполнять данные требования, суд отменил рассмотрение вопроса и дал указание сотрудникам колонии представить документы, подтверждающие, что состояние здоровья заявителя требует его освобождения. Когда сотрудники снова предложили ему пройти медицинское освидетельствование в тюремной больнице, заявитель отказался. Он не сообщил властям, что он уже направлялся в данную больницу

несколько раз и проходил там стационарное лечение. В июне 2012 года начальник колонии просил заявителя подать ещё одно заявление об освобождении. Утверждается, что Заявитель сказал ему, что представитель подал жалобу, и что он получит щедрую компенсацию за каждый день заключения в исправительной колонии.

## II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

### A. Общие условия заключения

38. Соответствующие положения внутреннего законодательства, регулирующие условия заключения в исправительных колониях в Российской Федерации, и положения, устанавливающие юридические пути для подачи жалоб об условиях заключения, приведены в делах *Дирдизов против России* (№ 41461/10, §§ 47-62, 27 ноября 2012 г.) и *Решетняк против России* (№ 56027/10, §§ 35-47, 8 января 2013 г.).

### B. Содержание заключённых-инвалидов

39. Российский Уголовно-исправительный кодекс устанавливает определённые требования к содержанию заключённых-инвалидов. В то время как Статья 99 § 1 Кодекса предусматривает минимальный стандарт в 2 кв.м. личного пространства для заключённых мужского пола в исправительных колониях и 3 кв.м. личного пространства в тюремных учреждениях здравоохранения, Статья 99 § 6 указывает, что заключённые, имеющие инвалидность 1-ой или 2-ой группы, имеют право на «улучшенное содержание и условия проживания». Статья 88 § 6 предоставляет заключённым-инвалидам право покупать продукты питания и предметы первой необходимости без каких-либо ограничений. Статья 90 разрешает больным заключённым или заключённым-инвалидам получать дополнительные посылки или передачи, включая таковые с медикаментами, содержание и количество которых должны быть определено медицинскими специалистами. Заключённым инвалидам пища, одежда и предметы личной гигиены предоставляются бесплатно. Они также имеют право на обогащённую диету (Статья 99 §§ 6 и 7).

40. По правилам внутреннего распорядка в исправительных учреждениях, принятым Приказом № 205 Министерства юстиции России от 3 ноября 2005 года, заключённые инвалиды освобождаются от участия в ежедневных перекличках по колонии. Их присутствие отмечается, где бы они ни находились в это время, будь то в спальном корпусе, в камере и т.д.

41. Российское законодательство не содержит конкретных правил или требований, регулирующих содержание заключённых, прикованных к инвалидному креслу.

### III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

42. Конвенция о правах инвалидов Организации Объединённых Наций и Факультативный протокол к ней были приняты Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 13 декабря 2006 года. Россия ратифицировала Конвенцию 25 сентября 2012 года. Она не ратифицировала Факультативный протокол.

Статья 1 предусматривает:

«Цель настоящей Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства.

К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими».

Соответствующая часть Статьи 14 предусматривает:

«2. Государства-участники обеспечивают, чтобы в том случае, если на основании какой-либо процедуры инвалиды лишаются свободы, им наравне с другими полагались гарантии, согласующиеся с международным правом прав человека, и чтобы обращение с ними соответствовало целям и принципам настоящей Конвенции, включая обеспечение разумного приспособления».

Соответствующая часть Статьи 15 предусматривает:

«2. Государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания».

Требования, регулирующие индивидуальную мобильность, изложены в Статье 20, в которой предусматривается следующее:

«Государства-участники принимают эффективные меры для обеспечения индивидуальной мобильности инвалидов с максимально возможной степенью их самостоятельности, в том числе путём:

Содействия индивидуальной мобильности инвалидов избираемым ими способом, в выбираемое ими время и по доступной цене;

Облегчения доступа инвалидов к качественным средствам, облегчающим мобильность, устройствам, вспомогательным технологиям и услугам помощников и посредников, в том числе за счёт их предоставления по доступной цене;

Обучения инвалидов и работающих с ними кадров специалистов навыкам мобильности;

Побуждения предприятий, которые занимаются производством средств, облегчающих мобильность, устройств и ассистивных технологий, к учёту всех аспектов мобильности инвалидов».

43. В Промежуточном отчёте от 28 июля 2008 года (A/63/175), действующий на тот момент Специальный докладчик ООН по пыткам и прочему жестокому, негуманному или унижительному обращению или наказанию г-н Манфред Новак отмечал следующее:

“50. ... Инвалиды часто оказываются в [ситуациях беспомощности], например, когда они лишаются свободы в тюрьмах или других местах... В данном контексте, конкретная инвалидность лица может сделать для него или неё более высокой вероятностью попадания в зависимую ситуацию и сделать его или её более лёгкой мишенью для злоупотреблений...

...

53. Государства несут дополнительные обязательства по обеспечению того, чтобы обращение или условия в заключении не были дискриминационными в отношении инвалидов. Если такое дискриминационное обращение доставляет сильную боль или страдания, оно может составлять факт пытки или формировать неправильное обращение. ...

54. Специальный докладчик отмечает, что в соответствии со статьёй 14, параграф 2 Конвенции о правах инвалидов, Государства несут обязательства того, что лица, лишённые свободы, имеют право на ‘предоставление разумных приспособлений’. Это подразумевает обязательство вносить необходимые изменения в процедуры и физическое оборудование центров заключения ... чтобы обеспечить, что инвалиды пользуются теми же правами и основными свободами, что и другие люди, когда такие изменения не создают несоразмерной или неуместной нагрузки. Отказ в предоставлении или нехватка разумных приспособлений для инвалидов могут создавать условия ... заключения, которые составляют неправильное обращение или пытку».

#### IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

44. В соответствующих выдержках из 3-го Общего Отчёта (CPT/Inf (93) 12; 4 июня 1993 г.) Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания («ЕКПП») указывается следующее:

##### **е. Гуманитарная помощь**

«64. Возможно указать определённые конкретные категории особо уязвимых заключённых. Тюремные службы здравоохранения должны оказывать особое внимание их потребностям».

...

iv) заключённые, неподходящие для длительного заключения

«70. Типичные примеры данного вида заключённых составляют те, в отношении которых вынесен краткосрочный фатальный прогноз, которые

страдают от серьёзного заболевания, которое не может должным образом лечиться в условиях тюрьмы, которые имеют серьёзные физические недостатки или находятся в преклонном возрасте. Продолжение заключения таких лиц в тюремной среде может создать непереносимую ситуацию. В случаях данного рода обязанностью врача является составление отчёта для ответственных представителей власти, с предложением подходящих применяемых альтернативных мер».

...

#### **g. Профессиональная компетенция**

«76. Чтобы обеспечить наличие необходимого количества персонала, медсёстрам часто помогают санитары, некоторые из которых набираются среди сотрудников тюрьмы. На определённых уровнях квалифицированный персонал должен передавать и периодически обновлять необходимый.

Иногда самим заключённым разрешают работать в качестве санитаров. Несомненно, такой подход может иметь преимущество обеспечения определённого количества заключённых полезной работой. Тем не менее, это следует рассматривать как крайнюю меру. Кроме того, заключённых никогда не следует задействовать в задаче медикаментов.

77. Наконец, ЕКПШ предполагает, что оказание определённых видов услуг по охране здоровья в тюремной среде может оправдывать введение признанных профессиональных специализаций, как для врачей, так и для медсестёр, на основании дополнительного образования и регулярного обучения без отрыва от работы in-service training».

45. Рекомендация № R (98) 7 Комитета министров от 8 апреля 1998 года относительно этических и организационных аспектов охраны здоровья в местах заключения, предусматривает, насколько это относится к данному делу:

### **III. Организация охраны здоровья в местах заключения с точки зрения решения определённых общих проблем**

*С. Лица, не подходящие для длительного непрерывного содержания под стражей: лица с серьёзными физическими недостатками, преклонного возраста, с краткосрочным фатальным прогнозом*

“50. Заключённым с серьёзными физическими недостатками и лицам преклонного возраста следует предоставить такие условия проживания, которые позволят им вести нормальную жизнь, насколько это возможно, и их не следует отделять от общего контингента мест заключения. Следует вносить такие структурные изменения, которые помогут лицам, прикованным к инвалидному креслу, и лицам с физическими недостатками, сходные с теми, что имеются в среде за пределами мест заключения. ...»

46. Рекомендация CM/Res (2012) 5 Комитета министров от 12 апреля 2012 г. по Европейскому Кодексу этики персонала мест заключения предусматривает, в частности, следующее:

#### **IV. Рекомендации по поведению персонала места заключения**

##### *D. Помощь и забота*

«19. Персонал места заключения должен чувствовать особые потребности отдельных лиц, таких как ... заключённые-инвалиды и любые заключённые, которые могут быть уязвимы по другим причинам, и предпринимать все усилия для удовлетворения их потребностей.

20. Персонал места заключения должен обеспечивать полную защиту здоровья лиц в заключении, в частности, они обязаны принимать незамедлительные меры для оказания медицинской помощи, когда бы она ни требовалась.

21. Персонал места заключения должен обеспечивать безопасность, гигиену и подобающее питание в течение их заключения. Они обязаны прилагать все усилия, чтобы условия в месте заключения соответствовали требованиям соответствующих международных стандартов, в частности, Европейских пенитенциарных правил.

22. Персонал места заключения обязан работать над облегчением социальной реинтеграции заключённых посредством программы конструктивной деятельности, личного взаимодействия и помощи».

## **ЗАКОН**

### **I. ВМЕНЯЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ**

47. Заявитель жалуется, что условия его заключения в колонии ИК-11 с 27 января 2010 года до его освобождения 14 января 2013 года были бесчеловечными и унижающими достоинство, учитывая, что помещения колонии были непригодны для содержания заключённых, прикованных к инвалидному креслу. Он также жалуется на отсутствие в его распоряжении эффективных средств защиты против нарушения гарантий недопущения неправильного обращения. Он ссылается на Статьи 3 и 13 Конвенции, в следующей редакции:

#### **Статья 3**

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

#### **Статья 13**

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

## **А. Заявления сторон**

### *1. Правительство*

48. Правительство особо указывает на то, что содержание под стражей инвалидов или серьёзно больных лиц в «обычной» исправительной колонии не является общепринятой практикой в Российской Федерации. Они также заявляют, что инвалид или серьёзно больной заключённый может подать заявление в суд о досрочном освобождении. Такие заявления должны подаваться через администрацию исправительной колонии и сопровождаться медицинским заключением, показывающим, что заболевание заключённого включено в «Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания» (принятый Постановлением Правительства Российской Федерации № 54 от 6 февраля 2004 г.), которое могло бы гарантировать досрочное освобождение. Медицинское заключение в поддержку заявления об освобождении может быть выдано как минимум тремя медицинскими специалистами из системы исполнения наказания. Правительство повторяет свои заявления, относящиеся к попытке провести медицинское освидетельствование заявителя в поддержку его заявления о досрочном освобождении (см. параграф 37 выше).

49. Правительство также обращает особое внимание на то, что администрация исправительной колонии ИК-11 предприняла все необходимые меры для сохранения здоровья заявителя и для его содержания в заключении в соответствующих условиях. Они заявляют, что условия заключения соответствовали конкретным потребностям заявителя – заключённого, прикованного к инвалидному креслу. У него было достаточно личного пространства, ему помогали другие заключённые, специально приставленные к нему администрацией колонии для этих целей, он мог свободно передвигаться по территории исправительно колонии и даже получил определённые привилегии в связи с его особыми потребностями, такие как дополнительные двадцать минут для принятия душа. Он получал необходимую медицинскую помощь, и персонал колонии тщательно следил за его состоянием.

50. Правительство продолжает, приводя аргумент о не исчерпании внутренних средств правовой защиты. С их точки зрения, следующие пути могли предоставить заявителю эффективную защиту его прав: жалоба начальнику колонии, прокурору, в суд, Уполномоченному по правам человека, Президенту Российской Федерации, Правительству, Парламенту России. Они обращают внимание суда на постановления российских судов удовлетворивших жалобы бывших заключённых на халатность. В частности, в 2007, 2009 и 2010 годах суды в Ярославской, Калининградской и Смоленской областях присудили



компенсацию ущерба трём заключённым в связи с тем, что власти не предоставляли им адекватную медицинскую помощь. Ссылаясь на многие постановления Суда по делам, касающимся вменяемого не оказания заявителям эффективных медицинских услуг руководством мест заключения, Правительство далее заявляет, что в ряде случаев Суд уже рассматривал и отклонял жалобы в отношении качества медицинского обслуживания в местах заключения. В заключении они приводят аргумент, что жалобы заявителя по Статьям 3 и 13 Конвенции являются явно необоснованными.

## *2. Заявитель*

51. Заявитель указывает, что российское законодательство не предусматривает каких-либо особых условий для содержания под стражей заключённых-инвалидов или больных. Он обращает особое внимание, что поскольку отсутствуют нормы, предписывающие содержание заключённых с физическими недостатками в тюремной больнице, они направляются для отбывания своего срока в «обычные» места заключения. Кроме того, отсутствуют нормы, требующие установки специального оборудования в местах заключения, где содержатся заключённые-инвалиды.

52. Ссылаясь на заявления Правительства об условиях его содержания под стражей, заявитель приводит аргумент, что Суду не следует принимать в качестве доказательства рукописные свидетельства его сокамерников, поскольку они были не в состоянии излагать свои взгляды свободно, так как находились под контролем администрации колонии. Он также настаивает на своём описании условий его содержания в колонии ИК-11, ссылаясь на рукописные свидетельства своего бывшего сокамерника.

53. Заявитель приводит аргумент, что он много раз предпринимал попытки отправить жалобы на условия своего содержания в колонии, о чём свидетельствует большое количество писем, полученных им в ответ от разных государственных чиновников. Однако они перехватывались администрацией колонии, и ему приходилось пользоваться «неофициальными» путями для их отправки. Кроме того, его представитель из «Фонда в защиту прав заключённых» также жаловался в различные органы государственной власти на ужасные условия его содержания. Власти внутри страны были в достаточной мере уведомлены о его опасном положении, но не предприняли никаких мер, чтобы сделать его содержание человечным. Он обращает особое внимание, что заявление Правительства о не исчерпаниии внутренних средств правовой защиты лишено оснований. Он оспаривает аргумент Правительства, что сотрудники колонии просили его пройти экспертное медицинское освидетельствование или предпринять другие шаги в поддержку заявления об освобождении. В

то же время, он подтверждает, что отказался от очередного перевода в тюремную больницу в феврале 2012 года, поскольку его уже направляли в больницу в январе 2012 года для прохождения экспертного медицинского освидетельствования. Однако через несколько дней он был отослан обратно в исправительную колонию без проведения какого-либо обследования. Каждая поездка в больницу была особенно трудна для него, поскольку тюремные фургоны не оборудованы для перевозки заключённых-инвалидов, и он не мог позаботиться о себе во время переезда.

54. Заявитель также утверждает, что Правительство пытается ввести Суд в заблуждение. Он отмечает, что заявление на его освобождение было подано его представителем из НПО, которого он уполномочил действовать от своего имени посредством доверенности, подписанной в 2009 году. Заявитель предоставил Суду копию данной доверенности и копию постановлению суда, перенаправившего его заявление об освобождении руководству колонии. Никакой необходимости в дополнительных запросах или документах от заявителя не было. Суд перенаправил заявление об освобождении в исправительную колонию для сбора свидетельств о состоянии здоровья заявителя. Однако сотрудники колонии этого не сделали и так и не отослали дело обратно в суд.

### *3. Третьи стороны: Европейский форум по проблемам инвалидности и Международный альянс по инвалидности*

55. Две указанные организации заявляют, что заключённые-инвалиды часто оказываются в значительно ущемлённом положении в отношении доступа к общим удобствам в камерах, в общих помещениях, в столовых, в туалетах и в душевых. Они сталкиваются с несколькими препятствиями, пытаясь быть самостоятельными и ведя свою повседневную жизнь в том, что касается их здоровья, гигиены, питания и мобильности. Они не могут участвовать в тюремной жизни, например, в рабочих, образовательных или рекреационных программах на равных с прочими заключёнными. Заключённые-инвалиды часто зависимы от доброй воли своих сокамерников в вопросах мобильности и гигиены, что делает их положение сложным и вселяет в них чувства бессилия, бесправия и унижения, которые превышают ожидаемый уровень страдания и лишений, связанный с заключением. Обращая внимание Суда на последние международные стандарты по правам человека для инвалидов, третьи стороны особо подчёркивают, что новая парадигма в правах инвалидов заключается в устранении барьеров – физических, обусловленных средой, коммуникационных или связанных с отношением – которые мешают полноценному и равному участию инвалидов в социальной жизни и обладанию и пользованию их правами, включая право на здоровье,

личную мобильность и свободу от пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

56. Обращая особое внимание на ответственность Государства в вопросе предоставления разумных приспособлений для устранения определённых помех, с которыми иначе могут сталкиваться данные лица, третьи стороны подчёркивают, что Суд уже находил нарушения прав инвалидов по Конвенции в связи с непринятием Государством мер для обеспечения альтернатив или для адаптации к обстоятельствам и потребностям отдельных лиц в тюремной среде. Они особо указывают, что право на личную мобильность должно быть гарантировано даже в ограниченной среде, такой как тюрьма, поскольку это право является обязательным условием для достойной жизни, увеличивает самостоятельность инвалидов, включая заключённых-инвалидов, и увеличивает их равенство возможностей на личное жизнеобеспечение и участие. На Государства возлагается ответственность вносить соответствующие изменения в процедуры и физическое оборудование центров заключения, чтобы гарантировать, что инвалиды пользуются теми же правами и основными свободами, что и другие люди, когда такие изменения не создают несоразмерной или неуместной нагрузки. Отказ в предоставлении или нехватка разумных приспособлений для инвалидов могут создавать условия заключения и проживания, которые составляют неправильное обращение или пытку.

57. Чтобы установить связь между пыткой или неправильным обращением и непредоставлением разумных приспособлений для инвалидов, организации ссылаются на постановления Суда по делам, где ему приходилось рассматривать меры, предпринятые властями в отношении конкретных обстоятельств и потребностей отдельных заключённых, инвалидов и/или лиц с хроническими заболеваниями. Третьи стороны особо указывают, что в таких случаях Суд определил, что непринятие властями мер для гарантирования того, чтобы заявители содержались в условиях доступных или приспособленных место заключения, составляет обращение, превышающее минимальный уровень суровости, необходимый для признания нарушения Статьи 3 Конвенции. С точки зрения третьих лиц, данный прецедент указывает на факт, что инвалиды находились в невыгодном положении по сравнению со своими здоровыми сокамерниками, и что необходимые меры не были приняты для устранения неравенства, что вселяло в них чувство страдания и лишений сверх того, что связано с заключением. Они также напоминают Суду, что хотя центральным элементом разумного приспособления, требуемого с Государства как с уполномоченного органа, является отсутствие несоразмерной или неуместной нагрузки, нехватка финансовых ресурсов или финансовые трудности не могут являться оправданием для Государства, не

обеспечивающего заключённым-инвалидам условия содержания в соответствии с гарантиями, закреплёнными Статьёй 3 Конвенции.

58. В заключении третьей стороны указывают, что учитывая серьёзные страдания и трудности, испытываемые инвалидами в контексте содержания под стражей, непредоставление разумных приспособлений может являться бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и даже составлять факт пытки.

## **В. Оценка Суда**

### *1. Допустимость*

59. Правительство вносит возражение в связи с не исчерпанием заявителем внутренних средств правовой защиты. Суд считает, что вопрос исчерпания внутренних средств правовой защиты тесно связан с существом жалобы заявителя о том, что в его распоряжении не было эффективных средств правовой защиты в связи с жалобой на то, что он подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению посредством содержания в неподобающих условиях. Таким образом, Суд считает необходимым поддержать возражение Правительства по существу жалобы заявителя по Статье 13 Конвенции.

60. Суд также отмечает, что жалобы заявителя по Статьям 3 и 13 Конвенции не являются явно необоснованными в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции, и что они не являются недопустимыми по каким-либо другим основаниям. Таким образом, они должны быть признаны допустимыми.

### *2. Существо дела*

#### **(а) Исчерпание внутренних средств правовой защиты и вменяемое нарушение Статьи 13 Конвенции**

61. Суд повторяет, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, предусмотренное Статьёй Статья 35 Конвенции обязывает лиц, желающих возбудить дело против Государства в Суде, прежде всего, использовать меры защиты, предусмотренные национальной правовой системой. Соответственно, Государства освобождаются от обязанности отвечать перед международными органами за свои действия до того, как им была предоставлена возможность урегулировать вопрос посредством собственной правовой системы. Правило основано на предположении, отражённом в Статье 13 Конвенции, с которым оно имеет близкое родство, что имеется эффективное средство защиты для решения по существу «оспариваемой жалобы» по Конвенции и для предоставления надлежащего средства судебной защиты. Таким образом, важным принципом является то, что механизм защиты, создаваемый

Конвенцией, является вторичным по отношению к национальной системе, защищающей права человека (см. *Кудла против Польши* [GC], № 30210/96, § 152, ЕСПЧ 2000-XI, и *Хэндисайд против Соединённого Королевства*, 7 декабря 1976 г., § 48, Серия А № 24).

62. Обычно от заявителя требуется прибегать только к таким средствам защиты, которые доступны и достаточны для возмещения вреда в отношении вменяемых нарушений. Существование рассматриваемых средств защиты должно быть надёжным не только в теории, но также и в практике, в противном случае они не будут иметь достаточной необходимой доступности и эффективности (см., *среди прочего*, *Вернилло против Франции*, 20 февраля 1991 г., § 27, Серия А № 198, и *Джонстон и другие против Ирландии*, 18 декабря 1986 г., § 22, Серия А № 112). Правительство, заявляющее о неисчерпании, обременяется обязанностью убедить Суд в том, что такое средство защиты было эффективным и доступным в теории и на практике в соответствующее время, то есть, что оно было доступно, способно обеспечить возмещение вреда в отношении жалоб заявителя и предполагало разумные перспективы успеха. Однако как только данная обязанность доказывания будет удовлетворена, обязанностью заявителя становится установление факта, что средство защиты, предоставленное Правительством, фактически было использовано или по какой-либо причине было недостаточным и неэффективным в конкретных обстоятельствах дела, или что существовали особые обстоятельства, освобождающие его или её от такого требования.

63. Суд особо подчёркивает, что применение правила должно надлежащим образом учитывать тот факт, что оно применяется в контексте механизма защиты прав человека, которые Высокие Договаривающиеся Стороны согласились установить. Соответственно, он признаёт, что правило исчерпания внутренних средств защиты должно применяться с определённой степенью гибкости и без избыточного формализма (см. *Кардо против Франции*, 19 марта 1991 г., § 34, Серия А № 200). Он также признаёт, что правило исчерпания не является ни абсолютным, ни применяемым автоматически: принимая решение, было ли оно соблюдено, чрезвычайно важно рассматривать конкретные обстоятельства каждого конкретного дела (см. *Ван Остервик против Бельгии*, 6 ноября 1980 г., § 35, Серия А № 40). Это означает, среди прочего, что он должен реалистично принимать во внимание не только существование формальных средств защиты в правовой системе конкретной Высокой Договаривающейся Стороны, но также общий юридический политический контекст, в котором они применяются, а также личные обстоятельства заявителей (см. *Акдивар и другие против Турции*, 16 сентября 1996 г., §§ 65-68, *Обзор постановлений и решений* 1996-IV).

64. Объем обязательств Договаривающихся Государств по Статье 13 варьируется в зависимости от природы жалобы заявителя; «эффективность» «средства правовой защиты» в значении Статьи 13 не зависит от вероятности благоприятного исхода для заявителя. В то же время, средство правовой защиты, требуемое по Статье 13, должно быть «эффективным» на практике, а не только по закону, в смысле либо предотвращение вменяемого нарушения, либо его продолжения, или в смысле предоставления адекватной компенсации вреда по любому нарушению, которое уже имеет место (см. *Кудла*, как цитируется выше, §§ 157-158, и *Вассерман против России* (№ 2), № 21071/05, § 45, 10 апреля 2008 г.).

65. Если вопрос касается основного права на защиту от пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, превентивные и компенсирующие средства защиты должны дополнять друг друга, чтобы считаться эффективными. Наличие превентивных средств защиты незаменимо для эффективной защиты отдельных лиц от тех видов обращения, которые запрещены Статьей 3 Конвенции. Действительно, особая важность, которую Конвенция придает данному положению, по мнению Суда требует, чтобы Государства-участники устанавливали в дополнение к возмещающим средствам защиты эффективный механизм, позволяющий незамедлительно положить конец любому такому обращению. Если бы это было иначе, перспективы будущей компенсации оправдывали бы особо жестокие страдания в нарушение данного ключевого положения Конвенции (см. *Владимир Романов против России*, № 41461/02, § 78, 24 июля 2008 г.).

66. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд повторяет аргумент Правительства, что заявитель не пытался воспользоваться какими-либо путями для исчерпания средств защиты, которые они представляют эффективными. Однако суд не убежден такими заявлениями. В частности, некоторые из документов, предоставленных заявителем, такие как копии писем от различных национальных органов власти, показывают, что заявитель жаловался прокурорам, в Службу исполнения наказаний, начальнику колонии, и даже подавал заявление не досрочное освобождение. Заявитель прибегал к данным средствам в попытке обратить внимание властей на состояние его здоровья и условия, в которых он содержался в исправительной колонии.

67. Однако, Суд отмечает, что его задачей по настоящему делу является изучение эффективности различных внутренних средств защиты, предложенных Правительством России, а не только определение того, достаточно ли заявитель уведомил российские власти о своих жалобах. В связи с этим, Суд отмечает, что он уже неоднократно рассматривал эффективность внутренних средств правовой защиты, предложенных Правительством. В частности, он обнаружил, что при рассмотрении жалобы в отношении нарушения

внутренних норм, регулирующих условия содержания в заключении, руководство мест заключения не имело достаточно самостоятельной точки зрения для удовлетворения требований Статьи 35 Конвенции (см. *Дирдизов против России*, № 41461/10, § 75, 27 ноября 2012 г., и *Ананьев и другие против России*, №№ 42525/07 и 60800/08, § 101, 10 января 2012 г.). Даже хотя отзыв надзирающего прокурора играет важную роль при обеспечении надлежащих условий содержания под стражей, отзыв или приказ прокурора в основном является делом между надзирающим и контролируемым органом, это не влияет на предоставление превентивной или возмещающей компенсации вреда пострадавшему лицу (см. *Дирдизов*, § 76, и *Ананьев и другие*, § 104, как цитируется выше). Гражданский иск на компенсацию по причине нарушения положений Гражданского Кодекса, такие как указываются Правительством в качестве примера, не может предоставить заявителю никакой другой компенсации вреда кроме чисто возмещающей компенсации и не может положить конец ситуации с продолжающимся нарушением, таким, как например, недостаток личного пространства или отсутствие конкретных приспособлений в определённой исправительной колонии. Кроме того, Суд отмечает, что даже в случаях, когда российские суды присуждают компенсацию в связи с условиями содержания под стражей, которые были неудовлетворительны в свете внутренних правовых требований, уровень компенсации был необоснованно низким по сравнению с решениями, которые выносил Суд по подобным делам (см. *Ананьев и другие*, как цитируется выше, §§ 113-118). Суд также отклонил как неэффективную судебную жалобу о нарушении прав и свобод по Главе 25 российского Гражданско-процессуального Кодекса или заявление на досрочное освобождение (см., например, *Решетняк против России*, № 56027/10, §§ 74-79, 8 января 2013 г., и *Коряк против России*, № 24677/10, §§ 87-93, 13 ноября 2012 г.), придя к заключению, что Правительство было не в состоянии подтвердить практическую эффективность таких средств защиты примерами внутренних прецедентов. В настоящем случае Правительство также не смогло объяснить, как данные процедуры работали бы в отношении жалоб заключённых, особенно когда они касаются очень специфичных проблем с условиями содержания под стражей. Отсутствие установленной чёткой и доступной судебной практики в этом отношении проявляется ещё ярче, учитывая очень путанные описания процедуры, по которой заявитель добивался досрочного освобождения, предоставленные сторонами (см. параграфы 36 и 37 выше). Аналогично неэффективной по мнению Суда была бы жалоба Уполномоченному по правам человека, учитывая что у последнего нет полномочий выдавать решения, которые являются юридически обязывающие для улучшения положения заявителя или которые могут

служить основанием для получения компенсации (см. *Дирдизов*, как цитируется выше, § 79). Что касается остальных средств правовой защиты, предложенных Правительством, такие как жалоба Президенту или Парламенту России, процессуальные возможности таких методов остаются совершенно неясными для Суда.

68. В свете приведённых выше соображений, Суд пришёл к заключению, что ни один из юридических путей, предложенных Правительством, и ни одно из средств защиты, использованных заявителем, не составили эффективного средства защиты, которое могло бы использоваться для предотвращения вменяемых нарушений или их продолжения, и обеспечить заявителю адекватную и достаточную компенсацию вреда в связи с жалобами о неудовлетворительных условиях содержания. Соответственно, Суд отклоняет возражение Правительства о неисчерпании внутренних средств правовой защиты и заключает, что в распоряжении заявителя не было эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении его жалоб, что является нарушением Статьи 13 Конвенции.

#### **(b) Вменяемое нарушение Статьи 3 Конвенции**

##### *(i) Общие принципы*

69. Суд повторяет, что Статья 3 Конвенции закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Она безоговорочно запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание вне зависимости от обстоятельств и поведения пострадавшего (см., например, *Лабита против Италии* [GC], № 26772/95, § 119, ЕСПЧ 2000-IV). Однако неправильное обращение должно характеризоваться минимальным уровнем жестокости, чтобы подпадать под определение предмета Статьи 3. Оценка такого минимума относительна: она зависит от обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физическое и психологическое воздействие, а в некоторых случаях – пол, возраст и состояние здоровья пострадавшего (см., среди прочих властей, *Ирландия против Соединённого Королевства*, 18 января 1978 г., § 162, Серия А № 25).

70. Неправильное обращение, которое достигает такого минимального уровня жестокости, обычно предполагает реальные телесные повреждения или интенсивные физические или душевные страдания. Однако даже в отсутствие таковых, если обращение унижает или позорит человека, демонстрирует отсутствие уважения или унижение его или её человеческого достоинства или вселяет чувство страха, душевной боли или неполноценности, способное сломать психологическое или физическое сопротивление человека, оно может характеризоваться как унижающее достоинство и также



попадает под запрещение Статьи 3 (см. *Притти против Соединённого Королевства*, № 2346/02, § 52, ЕСПЧ 2002-III, с дальнейшими ссылками).

71. Суд также повторяет, что Статья 3 Конвенции не может толковаться как устанавливающая общее обязательство освободить заключённого по медицинским показаниям или перевести его в общественную больницу, даже если он страдает заболеванием, особенно трудно поддающимся лечению. Однако данное положение реально требует от Государства гарантировать, что заключённые содержатся в условиях, которые комфортны в отношении человеческого достоинства, что способ и метод исполнения наказания не подвергает их страданиям или трудностям, превышающим уровень страдания, неизбежно связанный с заключением под стражу, и что, учитывая практические требования к заключению, их здоровье и благополучие адекватно защищены (см. *Кудла против Польши* [GC], № 30210/96, §§ 92-94, ЕСПЧ 2000-XI; *Мелнитс против Латвии*, № 30779/05, § 69, 28 февраля 2012 г.; и *Савичс против Латвии*, № 17892/03, § 130, 27 ноября 2012 г.).

72. Кроме того, Суд считает, что если власти решают поместить и содержать инвалида в непрерывном заключении, им следует продемонстрировать особую заботу при гарантировании условий, которые соответствуют особым потребностям, возникающим в связи с его инвалидностью (см. *Фарбтухс против Латвии*, № 4672/02, § 56, 2 декабря 2004 г.; *Ясинским против Латвии*, № 45744/08, § 59, 21 декабря 2010 г.; и *З.Х. против Венгрии*, № 28937/11, § 29, 8 ноября 2012 г.).

73. В вышеупомянутом деле *Фарбтухса* Суд отметил, что руководство тюрьмы разрешало членам семьи оставаться с заявителем на двадцать четыре часа каждый раз, и это имело место регулярно. В дополнение к тому, что о заявителе, который имел физический недостаток, заботилась его семья, в рабочее время ему помогал медицинский персонал, а после работы ему добровольно помогали другие заключённые. Суд выразил свою озабоченность следующими словами (§ 60):

«Суд сомневается в целесообразности данного решения, которое оставляет значительную часть ответственности за человека с такой серьёзной инвалидностью в руках неквалифицированных заключённых, пусть и на ограниченное время. Это верно, что заявитель не сообщал, чтобы он становился жертвой какого-либо инцидента или испытывал особые затруднения в результате данной сомнительной ситуации; он просто указал, что конкретные заключённые иногда 'отказывались сотрудничать', не упоминая какие-либо конкретные случаи, когда они отказывались. Однако беспокойство и тревога, которые, как можно ожидать, испытывал человек с такой серьёзной инвалидностью, зная, что он не получит профессиональной помощи в экстренном случае, сами по себе вызывают серьёзный вопрос с точки зрения Статьи 3 Конвенции».

74. Суд также постановил, что содержание инвалида в тюрьме, где он не может передвигаться, в частности, не может покинуть свою камеру без посторонней помощи, составляет унижающее достоинство обращение (см. *Вансан против Франции*, № 6253/03, § 103, 24 октября 2006 г.). Аналогично, Суд определил, что оставлять человека с серьёзным физическим недостатком на попечении его сокамерников, чтобы те помогали ему пользоваться туалетом, мыться или одеваться или раздеваться, закрепили его мнение, что условия содержания под стражей составляли унижающее достоинство обращение (см. *Энгел против Венгрии*, № 46857/06, §§ 27 и 30, 20 мая 2010 г.).

(ii) Приложение указанных выше принципов к настоящему делу

75. Суд отмечает, что основной момент жалобы заявителя относится к материальным условиям его содержания в колонии ИК-11 ввиду его физического недостатка. Стороны практически не расходятся в описании состоянии здоровья заявителя во время его содержания в указанной колонии. Очевидно, что заявитель, прикованный к инвалидному креслу человек с многочисленными проблемами со здоровьем, включая полный паралич нижней части тела и чрезвычайно плохое зрение, содержался в колонии ИК-11 почти три года, с января 2010 по январь 2013 года.

76. Суд не оставляет без внимания и аргумент Правительства, что во время содержания в колонии ИК-7 заявитель симулировал своё состояние, будучи в состоянии полностью пользоваться своими ногами. Однако заявитель не жаловался на условия своего содержания в колонии ИК-7. Поэтому Суд считает, что состояние здоровья заявителя до 27 января 2010 года, когда он был переведён из колонии ИК-7 в колонию ИК-11, не относится к целям настоящей жалобы по Статье 3 Конвенции. Суд не будет придавать никакой важности к заявлениям Правительства о симуляции болезни заявителем, особенно потому, что его диагноз двухстороннего паралича конечностей и вытекающей из него 1-й группы инвалидности был подтверждён медицинским персоналом колонии. Если бы наблюдалась какая-либо неопределённость со стороны национальных властей при установлении точного диагноза, или если бы они фактически не могли отметить какие-либо изменения в состоянии здоровья заявителя, Государство несло бы ответственность за такое бездействие, так как обязанностью Государства является гарантирование, что лицо, лишённое свободы, получает необходимую медицинскую помощь (см. для сходных обоснований, *Гримайловс против Латвии*, № 6087/03, § 155, 25 июня 2013 г.).

77. Обращаясь к материальным условиям содержания в колонии ИК-11, Суд отмечает, что обе стороны сходятся на том, что он содержался почти три года в обычной исправительной колонии,

которая не приспособлена для лиц, прикованных к инвалидному креслу. Правительство заявляет, что после его поступления в колонию ИК-11 заявитель был направлен в Отряд 8, где он пробыл немногим более одного года до своего перевода в Отряд 5, который имел место 28 февраля 2011 года. По словам Правительства, в здании был установлен пандус для облегчения доступа заявителя в прогулочный двор спального корпуса, занимаемого Отрядом 8. Пандус не требовался во время содержания заявителя в Отряде 5, поскольку высота порога входной двери не превышала 5 см. В то же время Суд отмечает, что прочие места на территории исправительной колонии, такие как столовая, банный комплекс, библиотеки, медицинский пункт и магазин оставались недоступными для заявителя в инвалидном кресле, если ему никто не помогал. Заявитель сообщает, что барьер высотой 20 см, через который его сокамерникам приходилось его переносить в инвалидном кресле, прорезает всю территорию колонии. Правительство не отрицает данного факта. Более того, Суд толкует их заявление, что заявителю всегда помогали другие заключённые, как подтверждение, что территория колонии была наполнена природными барьерами, мешающими доступу заявителя в различные помещения. Никакие особые приспособления не устанавливались с целью облегчения трудностей и проблем с доступом, включая таковые в отношении столовой и банного комплекса. Хотя и кажется, что заявитель не был заперт в дневное время и мог передвигаться внутри спального корпуса, его способность пользоваться удобствами за пределами спального корпуса была сильно ограничена в связи с его двухсторонним параличом конечностей. Последнее заключение будет принято Судом в качестве отправной точки для оценки того, не противоречили ли условия содержания заявителя гарантиям Статьи 3 Конвенции.

78. Заявитель приводит аргумент, что во время его заключения в колонии он проводил большую часть дня в спальном корпусе, прикованный к своему инвалидному креслу или койке. У него было менее 2 кв.м. личного пространства, тогда как пространство его сокамерников было ограничено их спальными местами и узким проходом между койками. Правительство аргументирует тем, что у заявителя постоянно было отдельное спальное место и ему было предоставлено не менее чем 2 кв.м. личного пространства в течение всего срока его заключения. Однако Суду нет необходимости устанавливать разницу между показаниями сторон по следующим причинам.

79. Суд повторяет, что в ряде случаев нехватка личного пространства, предоставляемого задержанным в российских центрах содержания, была настолько велика, что сама по себе являлась основанием для вывода о нарушении Статьи 3 Конвенции. В таких

случаях заявителям присуждалось не менее чем 3,5 кв.м. личного пространства (см., среди прочего, *Линд против России*, № 25664/05, § 59, 6 декабря 2007 г.). В то же время, Суд всегда отказывался давать определение, раз и навсегда, сколько квадратных метров должно быть выделено на задержанного с точки зрения Конвенции, принимая во внимание, что при вынесении решения, соответствуют ли условия содержания гарантиям Статьи 3 Конвенции, важную роль играет целый ряд сопутствующих факторов, таких как срок заключения, возможность занятий на свежем воздухе, физическое и душевное состояние задержанного и так далее (см. *Трепашикин против России*, № 36898/03, § 92, 19 июля 2007 г.). При оценке мест заключения после суда, таких как исправительные колонии в России, Суд учитывал, что личное пространство следует рассматривать в контексте применяемого режима, учитывая, что заключённые в исправительных колониях пользуются благами более широкой свободы передвижения в дневное время, чем подвергнутые другим режимам заключения, что даёт им беспрепятственный доступ к естественному свету и воздуху. В ряде случаев Суд заключал, что свобода передвижения, предоставляемая заключённым в колонии и беспрепятственный доступ к естественному свету и воздуху служат достаточной компенсацией за скудность выделенного пространства на каждого заключённого (см., среди прочего, *Валашинас против Литвы*, № 44558/98, §§ 103 и 107, 24 июля 2001 г.; *Нурмагомедов против России* (dec.), № 30138/02, 16 сентября 2004 г.; и *Шкуренко против России* (dec.), № 15010/04, 10 сентября 2009 г.).

80. Однако настоящее дело отличается от дел, упомянутых выше. Даже если принять показания Правительства относительно предоставленного личного пространства, как более точное, Суд считает, что не имелось никаких других аспектов содержания заявителя под стражей, которые могли бы компенсировать стеснённые условия проживания в спальном корпусе. Уже установлено, что в течение трёх лет заключения в колонии ИК-11 свобода передвижения заявителя была большей частью ограничена его спальным корпусом, где он мог использовать узкие проходы для передвижения между койками или отправиться в другие помещения спального корпуса, такие как маленькая кухня или коридор. Хотя и принимая аргумент Правительства, что заявитель мог пользоваться прогулочным двором снаружи спального корпуса, Суд не упускает из виду тот факт, что они никогда не сообщали, что двор был оборудован для принятия заявителя. Суд также отмечает, что ограничения личной мобильности заявителя были так суровы, что он не мог питаться в столовой колонии вместе со своими сокамерниками. Правительство сообщает, что пища доставлялась заявителю из столовой, и что он питался в кухне спального корпуса. Хотя и не имея возможности доказать обвинения

заявителя, что в некоторых случаях пища доставлялась ему из столовой в грязной посуде или что иногда он вообще не получал пищи, Суд считает, что его формальная сегрегация от остального контингента заключённых делала его отверженным и сама по себе служила для него главным препятствием к ведению достойной жизни в среде исправительной колонии, которая и так уже сурова.

81. Суд также отмечает, что доступность санитарных удобств вызывает особую обеспокоенность по Статье 3 Конвенции (см., в более сложном контексте, *Д.Г. против Польши*, № 45705/07, §§ 147 и 150, 12 февраля 2013 г.). По существу настоящего дела заявитель сообщает, что его физические недостатки не позволяли ему получать доступ к туалетным комнатам и банному комплексу, и Правительство не отрицает данный факт. Хотя, по словам Правительства, данные удобства были приспособлены к особым потребностям заявителя, Суд отмечает, что едва ли можно считать, что это облегчало его трудности, учитывая, что сами эти удобства оставались недоступными без помощи других заключённых. Основание высотой в 15 см под унитазами, установленными в кабинках шириной 80 см, - это просто слишком высоко и слишком узко для человека в инвалидном кресле. Кроме того, выясняется, что единственное специальное оборудование, установленное властями для приспособления удобств к нуждам заявителя, это специальный стул в туалете. Суд не может принять данное приспособление как замену для туалета, доступного для инвалидного кресла, в частности потому, что использование стула не решало проблему зависимости заявителя от помощи своих сокамерников. Также в деле нет никаких указаний на то, что какие-либо улучшения доступности были сделаны в бане или в душевых спального корпуса, чтобы учитывать физические недостатки заявителя. Ни в каких удобствах не было поручней и оборудования, такого как душевые шланги, а зеркала, краны и раковины в основном были установлены на уровне, слишком высоком, чтобы прикованный к инвалидному креслу заявитель мог легко их достать. Такие условия снова оказывались ограничивающими для жизнедеятельности заявителя, делая его ещё более зависимым от доброй воли других заключённых, и вряд ли могли считаться совместимыми с уважением к его человеческому достоинству.

82. Суд ещё раз возвращается к спору сторон о том, мог ли заявитель пользоваться душевыми в спальном корпусе. Заявитель утверждает, что единственная возможность для него помыться была во время посещения бани один или два раза в месяц, поскольку у него не было средств платить за пользование душевой. Он поддерживает свои показания рукописным заявлением бывшего сокамерника. Правительство оспаривает эти заявления, настаивая, что заявитель мог свободно пользоваться душевой при первой необходимости. Они

также ссылаются на рукописные показания заключённых и справки, выданные начальником колонии. Однако Суд не может установить достоверность показаний сторон.

83. Обращаясь ко второму пункту своего анализа, Суд отмечает, что заявитель нуждался в ежедневной помощи с передвижением по колонии. Хотя Суд признаёт, что администрация колонии приложила определённые усилия, чтобы улучшить его способность к передвижению, факт остаётся фактом, что ему приходилось полагаться на помощь других заключённых, как только он желал покинуть спальный корпус; также ему приходилось полагаться на помощь других заключённых для доступа к различным удобствам, таким как туалет, баня, библиотека, магазин и медпункт, поскольку они были недоступны для него в инвалидном кресле. Ни сотрудники колонии, ни медицинский персонал не оказывали ему помощи в его повседневной жизни.

84. Суд отмечает, что сокамерники, от чьей помощи зависел заявитель в своей повседневной жизни и подвижности, не были обучены и не имели необходимой квалификации, чтобы оказывать такую помощь. Правительство заявляет, что заключённые добровольно соглашались помогать заявителю при необходимости. Суд не убеждён таким аргументом и не считает, что особые потребности заявителя были удовлетворены таким образом или что Государство выполнило свои обязательства по Статье 3 Конвенции в этом отношении (см. для сходной аргументации *Гримйловс против Латвии*, № 6087/03, § 161, 25 июня 2013 г.). Суд уже особо подчёркивал, что он не одобряет ситуацию, когда сотрудники мест заключения чувствуют себя свободными от своих обязательств обеспечивать безопасность и уход за более уязвимыми заключёнными, делая их сокамерников ответственными за оказание им ежедневной помощи или, при необходимости, первой медицинской помощи (см., *mutatis mutandis*, *Капрыковски против Польши*, № 23052/05, § 74, 3 февраля 2009 г.). Очевидно, что в настоящем деле помощь, предлагаемая сокамерниками заявителя, не составляла часть организованной помощи со стороны Государства, которая гарантировала бы, что заявитель содержится в условиях, совместимых с уважением к его человеческому достоинству. Поэтому её нельзя считать подходящей или достаточной ввиду физических недостатков заявителя (см. упомянутые выше дела *Фарбтухс*, § 60, и *Д.Г. против Польши*, § 147).

85. Суд считает, что обязательство Государства обеспечивать адекватные условия заключения вкачает обеспечение особых потребностей заключённых с физическими недостатками, как у настоящего заявителя, и Государство не может снять с себя данное обязательство, переложив ответственность на других заключённых (см. *Гримайловс*, § 161, как цитируется выше). Поручив сокамерникам

заботиться о заявителе, Государство не предприняло необходимых шагов для устранения барьеров среды и отношений, которые серьёзно мешали способности заявителя участвовать в повседневной деятельности вместе с остальным контингентом заключённых, что в свою очередь исключало его интеграцию и ещё больше отмечало его как отверженного. Суд отмечает, что многие из проблем заявителя с доступом могли быть решены разумными улучшениями доступности, которым не нужно было быть ни дорогими, ни сложными. Однако реакция руководства колонии на его потребности была ограничена временной установкой пандуса на входе, предоставлением стула для пользования в туалете и назначением заключённых в помощь заявителю. Данные мероприятия не могли обеспечить автономность заявителя или способствовать улучшению его физического или душевного состояния. Суд не может не заключить, что ограничения личной мобильности заявителя в колонии и недостаток разумных приспособлений в течение его трёхлетнего заключения составляла предмет бесчеловечности. Власти страны не обращались с заявителем безопасным и надлежащим образом, соответствующим его инвалидности.

86. В свете вышесказанного, результатов рассмотрения и их суммарного эффекта, Суд заключает, что условия заключения заявителя ввиду его физических недостатков, и в частности, невозможности для него получить самостоятельный доступ к различным помещениям в исправительной колонии, включая столовую и санитарные удобства, и в такой ситуации – недостаток какой-либо организованной помощи в вопросах его мобильности на территории колонии или его повседневной жизни, должны были причинять ему такие излишние и устранимые душевные и физические страдания, подрывающие его человеческое достоинство, что это составляет бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Соответственно, имело место нарушение Статьи 3 Конвенции.

## II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

87. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

### A. Ущерб

88. Заявитель потребовал 40.000 Евро в качестве компенсации морального вреда.

89. Правительство заявило, что требование было завышено и явно необоснованно. Они отмечают, что если бы Суд пришёл к выводу о нарушении прав заявителя по Конвенции, то признание нарушения составило бы достаточную справедливую компенсацию.

90. Суд отмечает, что в настоящем деле он пришёл к выводу о нарушениях, явившихся результатом того, что заявитель подвергся длительному душевному и физическому страданию, унижающему его человеческое достоинство, и не имел эффективного средства правовой защиты, чтобы пожаловаться на нарушение своих прав. Он считает, что в данных обстоятельствах страдания и отчаяние заявителя не могут быть компенсированы простым признанием факта нарушения. Принимая во внимание, что все приведённые выше факторы, и делая оценку на справедливой основе, Суд считает разумным назначить заявителю 15.000 Евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут взиматься с данной суммы.

### B. Расходы и траты

91. Заявитель также требовал 2.000 Евро в счёт оплаты юридических расходов, понесённых в ходе разбирательств в Суде.

92. Правительство особо отметило, что заявитель не предоставил никаких доказательств, подтверждающих, что он действительно понёс такие расходы, в поддержку своего требования.

93. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на компенсацию расходов и трат только в той мере, в какой было доказано, что таковые были фактически и обоснованно понесены и являются разумными по отношению к сумме спора. В настоящем деле, рассмотрев документы, имеющиеся в распоряжении, описанный выше принцип и тот факт, что заявителю Судом была оказана юридическая помощь на сумму 850 Евро, Суд присуждает заявителю 1.150 Евро по настоящему разделу.



### С. Проценты за неисполнение обязательств

94. Суд считает приемлемым, чтобы ставка процентов за неисполнение обязательств должна быть основана на предельной учётной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

### НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Поддерживает* возражение Правительства касательно вменяемого не исчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении жалобы заявителя по Статье 3 по существу его жалобы по Статье 13 и *отклоняет* её;
2. *Признаёт* заявление допустимым;
3. *Принимает решение*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции ввиду отсутствия эффективных внутренних средств правовой защиты с возбуждением претензий о не соответствующих условиях содержания под стражей;
4. *Принимает решение*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции ввиду бесчеловечных и унижительных условий содержания заявителя под стражей;
5. *Принимает решение*,
  - (a) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трёх месяцев с даты, в которую решение становится окончательным в соответствии со Статьёй 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, подлежащие конвертации в национальную валюту Государства-ответчика по ставке, действующей на дату расчёта:
    - (i) 15.000 (пятнадцать тысяч) Е454вро в отношении морального вреда;
    - (ii) 1.150 (одну тысячу сто пятьдесят) в отношении расходов и трат;
    - (iii) любой налог, который может взиматься с заявителя по вышеуказанным суммам;
  - (b) что с момента истечения вышеуказанных трёх месяцев и до даты расчёта в течение периода неисполнения обязательств на вышеуказанные суммы будут начисляться простые проценты по ставке, равной предельной учётной ставке Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта;

6. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке и доведено в письменном виде 6 февраля 2014 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Правил Суда.

Сорен Нильсен  
Изабелла Берро-Лефевр  
Регистратор  
Председатель